

Луи
АЛЬТЮССЕР

Ошибки классической экономики: набросок понятия исторического времени¹

Фундаментальная критика, которой Маркс подвергает всю классическую экономию в своих текстах – от «Нищеты философии» до «Капитала», – заключается в том, что для классики политической экономики характерна неисторическая, вечная, фиксированная и абстрактная концепция экономических категорий капитализма. Маркс утверждает, что эти категории надо историзировать, чтобы раскрыть и понять их природу, их относительность и переходность. Классические экономисты, говорит он, превратили условия капиталистического производства в вечные условия всякого производства, не видя, что эти категории исторически детерминированы, а значит – историчны и преходящи:

«Экономисты изображают отношения буржуазного производства – разделение труда, кредит, деньги и т.д. – как застывшие, неподвижные, вечные категории. [...] Экономисты объясняют нам, как совершается производство при этих данных отношениях; но у них остается невыясненным способ производства самих этих отноше-

1 Сокращенный перевод выполнен по изданию: ALTHUSSER L., BALIBAR É., ESTABLET R., MACHEREY P., RANCIÈRE J. *Lire le Capital. Nouvelle édition revue*. Paris: La Découverte, 1965. Ch. IV «Les défauts de l'économie classique. Esquisse du concept de temps historique». P. 273–301.

**ИСТОРИЯ
И КОНТИНГЕНТНОСТЬ**

ний, т.е. то историческое движение, которое их порождает. [...] Эти категории столь же мало вечны, как и выражаемые ими отношения. Они представляют собою *исторические и преходящие продукты*»².

Как мы увидим, эта критика не является последним словом *реальной* критики Маркса. Она остается поверхностной и двусмысленной, тогда как его реальная критика бесконечно более глубока. Но, разумеется, не случайно, что в декларируемой им критике Маркс часто останавливался на полпути к своей реальной критике, утверждая собственное отличие от классических экономистов лишь через неисторичность их концепции. Это суждение очень сильно повлияло на интерпретацию не только «Капитала» и марксистской теории политической экономики, но и марксистской философии. Это один из стратегических пунктов мысли Маркса – я бы даже сказал, стратегический пункт номер один, – пункт, в котором теоретическая неполнота суждения Маркса о самом себе привела к серьезнейшим недоразумениям, причем, как и прежде, не только среди противников, заинтересованных в том, чтобы Маркса не поняли, но и прежде всего среди его сторонников.

Все эти недоразумения можно сгруппировать вокруг одного ключевого пункта: непонимания теоретической взаимосвязи между марксизмом и историей, или так называемого радикального историзма в марксизме. Рассмотрим, что лежит в основе различных форм, которые принимает это решающее недоразумение.

На наш взгляд, корень непонимания следует искать в отношениях между Марксом и Гегелем, а также Марксом и концепцией диалектики и истории. Если все, что отличает Маркса от экономистов-классиков, сводится к историческому характеру экономических категорий, то Марксу нужно всего лишь историзировать эти категории, отказываясь воспринимать их как застывшие, абсолютные и вечные, но, напротив, рассматривая их как относительные, временные и преходящие, то есть как категории, подчиненные в последней инстанции моменту их исторического существования. В таком случае отношение Маркса к Смиту и Рикардо можно было бы представить как идентичное отношению Гегеля к классической философии. Маркс, таким образом, был бы Рикардо, приведенный в движение, подобно Гегелю, которого называют приведенным в движение Спинозой, где «приведенным в движение» значит «историзированным». В этом случае все достижение Маркса, опять же, будет состоять в том, что он гегельянизировал Рикардо, сделав его диалектичным, то есть применил гегельянский диалектический

ЛУИ АЛЬТЮССЕР

ОШИБКИ КЛАССИЧЕСКОЙ
ЭКОНОМИИ: НАБРОСОК
ПОНЯТИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО
ВРЕМЕНИ

Луи Пьер Альтюссер (1918–1990) – французский философ-марксист, теоретик структуралистской версии марксизма. Член Французской коммунистической партии (1948–1980), профессор Высшей нормальной школы (Париж).

2 МАРКС К. *Нищета философии*. М.: Госполитиздат, 1941. С. 89, 94.

метод к осмыслению уже конституированного содержания, которое было отделено от истины лишь тонкой перегородкой исторической относительности. В таком случае все опять сводится к схемам, освященным целой традицией, схемам, которые зависят от концепции диалектики как метода в себе, независимо от содержания, законом которого диалектика выступает, независимо от специфики объекта, принципы познания и объективные законы которого она должна предоставить. Я не буду настаивать на этом пункте, поскольку он уже был прояснен выше по крайней мере в принципе.

Но мне хотелось бы указать на другую путаницу, которая не была ни раскрыта, ни прояснена и которая с давних пор и по сегодняшний день господствует в интерпретации марксизма, а именно – *путаницу, которая окружает понятие истории.*

Утверждать, что концепция экономических категорий в классической экономической теории была не исторической, а этерналистской – что для соответствия этих категорий своему объекту их надо мыслить как исторические, – значит, предлагать *понятие истории*, или скорее некое понятие истории, существующее в обычном воображении, но предлагать, не поставив его под вопрос. На деле это означает предлагать в качестве решения понятие, которое само по себе представляет теоретическую проблему, ведь оно берется и используется без предварительной критики, и, как все «очевидные» понятия, рискует выполнять в теоретическом содержании лишь ту функцию, которую для него определила существующая или господствующая идеология. Это значит представить в качестве теоретического решения понятие, статус которого не изучен и которое, отнюдь не будучи решением, на самом деле является теоретической проблемой. Это означает, что можно позаимствовать понятие истории у Гегеля или из эмпирической практики историка и ввести его в теорию Маркса без каких-либо принципиальных трудностей, то есть без предварительной постановки критического вопроса о действительном содержании понятия, которое было столь наивно «подхвачено»; как будто это нечто само собой разумеющееся, тогда как – напротив и прежде всего – важно спросить, каким *должно* быть содержание понятия истории, необходимо вытекающего из теоретической проблематики Маркса.

Не забегая вперед, я хотел бы прояснить несколько принципиальных моментов. Я возьму в качестве подходящего контр-примера (почему он уместен, мы скоро увидим) гегельянское понятие истории, *исторического времени*, которое, по Гегелю, отражает сущность исторического как такового.

Хорошо известно, что Гегель определял время как *der das-
eiende Begriff*, то есть как понятие в его непосредственном эмпирическом существовании. Так как само время ведет нас

к *понятию* как своей сущности, то есть, поскольку Гегель сознательно провозглашает, что историческое время есть всего лишь отражение в непрерывности времени внутренней сущности исторической тотальности, воплощающей момент развития понятия (в данном случае Идеи), мы, заручившись авторитетом Гегеля, можем подумать, что историческое время просто отражает сущность социальной тотальности, *существованием* которой оно является. Иначе говоря, сущностные характеристики исторического времени приведут нас, подобно следам, к особой структуре этой социальной тотальности.

Можно выделить две главные характеристики гегельянского исторического времени: гомогенную континуальность и современность (*contemporanéité du temps*).

1) Гомогенная континуальность времени – это отражение в существовании непрерывности диалектического развития Идеи. Время, таким образом, можно трактовать как континуум, в котором проявляется диалектическая непрерывность процесса развития Идеи. Тогда на данном уровне вся проблема исторической науки будет состоять в разделении этого континуума согласно *периодизации*, соответствующей следованию одной диалектической тотальности за другой. Моменты Идеи существуют в ряде исторических *периодов*, на которые необходимо четко разделить временной континуум. Здесь Гегель просто осмыслил в русле собственной теоретической проблематики главную практическую проблему историка, ту, которую Вольтер, например, выразил, проводя различие между эпохами Людовика XIV и Людовика XV; эта проблема остается важнейшей для современной историографии.

2) Современность времени, или категория исторического *настоящего*, является условием возможности первой категории, и здесь мы обнаруживаем центральную мысль Гегеля. Если историческое время – это существование социальной тотальности, то следует уточнить, какова структура этого существования. Тот факт, что отношение между социальной тотальностью и ее историческим существованием является отношением с *непосредственным* существованием, подразумевает, что это отношение само по себе является *непосредственным*. Другими словами, структура исторического существования такова, что все элементы целого всегда сосуществуют в одном и том же времени, в одном и том же настоящем, а значит, современны друг другу в этом настоящем. Это означает, что структура исторического существования гегельянской социальной тотальности позволяет провести то, что я предлагаю называть «сущностным срезом» (*coupe d'essence*), то есть интеллектуальную операцию, которая в любой момент исторического времени позволяет совершить *вертикальный срез* – срез настоящего,

так что все элементы целого, раскрытые этим срезом, пребывают в непосредственном отношении друг с другом, отношении, непосредственно выражающем их внутреннюю сущность. Поэтому, говоря о *сущностном срезе*, я буду отсылать к специфической структуре социальной тотальности, которая допускает этот срез, где все элементы целого даны в соприсутствии, что само по себе есть непосредственное присутствие их сущностей, которые таким образом становятся непосредственно *различимы в них*. Ясно, что именно специфическая структура социальной тотальности позволяет совершить сущностный срез, ведь такой срез возможен лишь благодаря особой природе единства этой тотальности, «духовного» единства, если можно так обозначить тип единства, которым обладает экспрессивная тотальность, то есть тотальность, все части которой составляют множество тотальных частей, взаимно выражающих как друг друга, так и содержащую их социальную тотальность, ведь каждая и сама содержит в непосредственной форме своего выражения сущность самой тотальности. Я имею в виду структуру гегелевского целого, которую уже обсуждал: гегелевское целое характеризуется типом единства, где каждый элемент целого, будь то материальная или экономическая детерминация, политический или религиозный институт, художественная или философская форма, никогда не есть нечто большее, чем присутствие понятия в себе самом (*la présence du concept à soi-même*) в исторически определенный момент. В этом смысле соприсутствие элементов друг с другом и присутствие каждого элемента в целом основаны на предварительном присутствии *de jure*: полном присутствии понятия во всех детерминациях его существования. Вот как возможна континуальность времени: как феномен непрерывности присутствия понятия с его положительными детерминациями. Говоря о *моменте* развития Идеи у Гегеля, мы должны быть осторожны; так мы заметим, что этот термин отсылает к единству *двух смыслов*: момент как момент развития (который вызывает континуальность времени и порождает теоретическую проблему периодизации), и момент как момент времени, настоящее, которое никогда не является чем-либо, кроме феномена присутствия понятия в себе самом во всех его конкретных детерминациях.

Именно это абсолютное и гомогенное присутствие детерминаций целого в актуальной (*actuelle*) сущности понятия позволяет произвести сущностный срез, о котором говорилось выше. Именно эта операция в принципе объясняет гегелевскую формулу, справедливую для всех детерминаций целого, вплоть до самосознания этого целого в его познании, то есть, включая исторически *настоящую* (*présente*) философию, – формула, согласно которой *ничто не может опередить своего времени*.

Настоящее конституирует *абсолютный горизонт* всего знания, поскольку последнее никогда не может быть чем-либо, кроме существования в знании внутреннего принципа целого. Как бы далеко ни заходила философия, она никогда не сможет выйти за пределы этого абсолютного горизонта: даже взлетая *в сумерках*, она все еще принадлежит дню, сегодняшнему дню, она остается лишь настоящим, размышляющим о себе, о присутствии понятия в себе самом, – завтрашний день, по сути, остается под запретом.

И как раз поэтому онтологическая категория настоящего препятствует всякому предвосхищению исторического времени, всякому сознательному предвосхищению будущего развития понятия, всякому *знанию будущего*. Этим объясняются теоретические трудности, которые Гегель испытывал, имея дело с существованием «великих людей», которые в его мысли, стало быть, играли роль парадоксальных свидетелей невозможного сознательного исторического предвидения. Великие люди не видят и не знают будущего – они предугадывают его через предчувствие. Великие люди – это лишь прорицатели, которые предчувствуют, но никогда не могут знать наверняка о сущности завтрашнего дня, «ядре в скорлупе», будущем, незримо зреющем в настоящем, грядущей сущности, рождающейся в отчуждении нынешней сущности. Тот факт, что будущее непознаваемо, препятствует существованию любой науки о политике, любого знания о будущих следствиях нынешних явлений. Строго говоря, именно поэтому никакая гегельянская политика невозможна, и в действительности никогда не было ни одного политика-гегельянца.

Я так подробно рассматриваю природу исторического времени и его теоретические условия, потому что эта концепция истории и ее связи со временем до сих пор жива в наших умах, как видно из широко распространенного ныне различия между синхронией и диахронией. Это различие основано на концепции исторического времени как непрерывного, гомогенного и современного самому себе. Синхроническое есть сама современность, соприсутствие сущности со своими детерминациями, настоящее, читаемое как структура в сущностном срезе, потому что настоящее – само существование сущностной структуры. Таким образом, синхроническое предполагает идеологическую концепцию непрерывного-гомогенного времени. Отсюда следует, что диахроническое – это просто развитие такого настоящего в последовательности временной непрерывности, где «события», к которым можно свести «историю» в строгом смысле (ср. Леви-Стросс), – это лишь последовательные контингентные настоящие во временном континууме. Подобно синхроническому, которое представляет собой первич-

ЛУИ АЛЬТЮССЕР

ОШИБКИ КЛАССИЧЕСКОЙ
ЭКОНОМИИ: НАБРОСОК
ПОНЯТИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО
ВРЕМЕНИ

ный концепт, диахроническое, стало быть, предполагает обе характеристики, выделенные мной в гегельянской концепции времени – идеологической концепции исторического времени.

Идеологической, поскольку ясно, что эта концепция исторического времени является лишь отражением гегелевской концепции того единства, что связывает все экономические, политические, религиозные, эстетические, философские и прочие элементы социального целого. Поскольку гегельянское целое есть «духовное целое» в лейбницианском смысле целого – где все части в «сговоре», где всякая часть есть *pars totalis*, – единство этого двойного аспекта исторического времени (гомогенность – континуальность/современность) возможно и необходимо.

Теперь мы видим уместность этого гегельянского контр-примера. Что скрывает от нас только что установленное отношение между структурой гегельянского целого и природой исторического времени у Гегеля – так это тот факт, что его идея времени заимствована из самого вульгарного эмпиризма, эмпиризма мнимой очевидности повседневной практики³, который мы находим в наивной форме у большинства самих историков – во всяком случае у всех историков, известных Гегелю, – которые не задавали никаких вопросов относительно специфической структуры исторического времени. Сегодня некоторые историки начинают ставить эти вопросы – и часто весьма примечательным образом (Люсьен Февр, Лабрусс, Бродель и так далее), – но они не представляют их эксплицитно как функцию *структуры целого*, ими изучаемого, они не формулируют их в подлинно концептуальной форме. Они всего лишь *замечают*, что в истории *есть* разные времена, разновидности времени, долгие времена, средние времена и короткие времена, и довольствуются тем, что отмечают интерференции этих времен через множество продуктов их пересечения. Стало быть, они не соотносят эти разновидности как множество *вариаций* со структурой целого, несмотря на то, что последняя непосредственно управляет производством этих вариаций; скорее у них возникает соблазн связать эти разновидности как множество вариантов, измеряемых посредством их *длительности*, с самым обычным временем, с идеологическим временным континуумом, который мы обсуждали. Поэтому гегельянский контрпример уместен, ведь он репрезентирует грубые идеологические иллюзии повседневной практики и практики историков – не только тех, кто не задается никакими вопросами, но и тех, кто задается ими, потому что сами эти вопросы, как правило, связаны не с фундаментальным вопросом о понятии истории, а с идеологической концепцией времени.

3 Гегелевскую философию даже называли «спекулятивным эмпиризмом» (Фейербах).

Однако можно взять у Гегеля как раз то, что скрывает от нас этот эмпиризм, который он лишь сублимировал в своей систематической концепции истории. Можно сохранить этот результат, полученный в ходе нашего краткого критического анализа: тот факт, что необходимо строго исследовать структуру социального целого, чтобы найти в ней секрет концепции истории, где мыслится «развитие» этого социального целого. Как только мы узнаем *структуру социального целого*, мы сможем понять кажущееся «беспроblemным» отношение между ним и концепцией исторического времени, в котором эта концепция отражается. То, что мы только что проделали с Гегелем, в равной степени справедливо и в случае Маркса: процедура, которая позволила нам выявить теоретические предпосылки концепции истории, казавшейся «само собой разумеющейся», но на деле органически связанной с конкретной концепцией социального целого, может быть применена к Марксу для создания *марксистского понятия исторического времени* на основе марксистской концепции социальной тотальности.

ЛУИ АЛЬТЮССЕР

ОШИБКИ КЛАССИЧЕСКОЙ
ЭКОНОМИИ: НАБРОСОК
ПОНЯТИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО
ВРЕМЕНИ

Необходимо строго исследовать структуру социального целого, чтобы найти в ней секрет концепции истории, где мыслится «развитие» этого социального целого.

Мы знаем, что марксистское целое не спутаешь с гегельянским: это целое, единство которого, далекое от экспрессивного или «духовного» единства лейбницеvского или гегелевского целого, конституировано определенным типом *сложности*. Это единство *структурированного целого*, содержащего в себе то, что можно назвать уровнями или инстанциями – различимыми и «относительно автономными», – которые сосуществуют в этом сложном структурном единстве, сочленяемые друг с другом согласно конкретным детерминациям, зафиксированным в конечном счете экономическими уровнем или инстанцией⁴.

Разумеется, нам еще предстоит более точно определить структурную природу такого целого, но этого предварительного определения достаточно, чтобы мы могли предсказать, что гегелевский тип сосуществования в настоящем (допускающий сущностный срез) несовместим с существованием этого нового типа тотальности.

Это особое сосуществование уже было полностью определено Марксом в отрывке из «Нищеты философии», где речь идет об одних лишь производственных отношениях:

⁴ Ср.: «Противоречие и свёрхдетерминация» и «О материалистической диалектике» в работе «За Маркса» (Альтюссер Л. *За Маркса*. М.: Практикс, 2006. С. 127–169, 231–310).

«В каждом обществе производственные отношения образуют одно целое. Г-н Прудон рассматривает экономические отношения как соответственное количество общественных фаз, которые порождают одна другую, вытекают одна из другой, как антитезис из тезиса, и в своей логической последовательности осуществляют безличный разум человечества.

Единственное неудобство этого метода состоит в том, что, принимаясь за исследование одной из этих фаз, г-н Прудон не может объяснить ее без помощи всех других общественных отношений, тех самых отношений, которые он не успел еще вызвать к жизни посредством своего диалектического движения. А когда г-н Прудон переходит затем, с помощью чистого разума, к порождению других фаз, то он обращается с этими последними, как с новорожденными детьми, забывая, что они столь же стары, как и первая фаза. [...]

Воздвигая из политико-экономических категорий здание идеологической системы, мы *разъединяем между собою различные звенья общественной системы*. Мы превращаем различные звенья общества в соответственное число отдельных обществ, следующих одно за другим. В самом деле, каким образом простая логическая формула движения, последовательности, времени могла бы служить для объяснения общественного тела, в котором все отношения существуют одновременно и опираются одно на другое?»⁵

Все уже здесь: *сосуществование*, соединение (*articulation*) звеньев «общественной системы», опору их отношений друг на друга нельзя помыслить исходя из «логической формулы движения, последовательности, времени». Приняв во внимание тот факт, что «логика», как показал Маркс в «Нищете философии», есть лишь абстракция «движения» и «времени», которая здесь прямо названа источником мистификации Прудона, мы увидим, что принципиально важно перевернуть порядок размышления и в первую очередь подумать о специфической структуре тотальности, дабы понять как форму, в которой звенья целого сосуществуют с конститутивными отношениями, так и особую структуру истории.

Во «Введении 1857 года» Маркс, обсуждая капиталистическое общество, снова настаивает на том, что структуру целого надо постичь до всякого рассмотрения временной последовательности:

«Речь идет не о том положении, которое экономические отношения исторически занимают в различных следующих одна за другой формах общества. Еще меньше речь идет об их последовательности “в идее” (Прудон). [...] Речь идет о том месте, которое они занимают в структуре современного буржуазного общества»⁶.

5 Маркс К. *Нищета философии*. С. 94.

6 Он же. *Экономические рукописи 1857–1861 гг. (Первоначальный вариант «Капитала»): В 2 ч. Ч. 1. М.: Политиздат, 1980. С. 45.*

Здесь появляется новый важный момент: структура целого артикулируется как структура *органического иерархизированного целого*. Существование звеньев и их отношений в рамках целого управляется доминирующей структурой, которая вводит особый порядок в артикуляцию (*Gliederung*) звеньев и их отношений.

«Каждая форма общества имеет определенное производство, которое определяет место и влияние всех остальных производств, и отношения которого поэтому точно так же определяют место и влияние всех остальных отношений»⁷.

Обратим внимание на важный момент: доминирование структуры, пример которого здесь приводит Маркс (господство одной формы производства, например, промышленного производства над простым товарным производством и так далее), несводимо к главенству *центра* так же, как отношение между элементами и структурой не может быть сведено к экспрессивному единству сущности в ее явлениях. Эта иерархия представляет собой лишь иерархию эффективности, существующую между разными «уровнями» или инстанциями общественного целого. Поскольку каждый из уровней сам по себе структурирован, эта иерархия репрезентирует иерархию, степень и показатель эффективности, существующие между разными структурированными уровнями, присутствующими в целом: это иерархия эффективности структуры, доминирующей над подчиненными структурами и их элементами. В другом месте я показал, что для того, чтобы понять это «доминирование» структуры над другими структурами в единстве конъюнктуры, необходимо обратиться к принципу детерминации «в последней инстанции» неэкономических структур экономической структурой; что эта «детерминация в последней инстанции» является абсолютной предпосылкой необходимости и интеллигибельности структурных смещений в иерархии эффективности или смещения «доминирования» между структурированными уровнями целого и что только «детерминация в последней инстанции» позволяет избежать капризного релятивизма наблюдаемых смещений, наделяя эти смещения необходимостью функции.

Если тип единства, свойственный марксистской тотальности, действительно таков, то отсюда вытекают несколько важных теоретических следствий.

Прежде всего – существование этой тотальности невозможно помыслить в гегелевской категории современности *настоящего*. Существование различных структурированных уровней, экономического, политического, идеологического и так

ЛУИ АЛЬЮССЕР

ОШИБКИ КЛАССИЧЕСКОЙ
ЭКОНОМИИ: НАБРОСОК
ПОНЯТИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО
ВРЕМЕНИ

7 Там же. С. 44.

далее, и, соответственно, экономической инфраструктуры, правовой и политической суперструктуры, идеологий и теоретических формаций (философии, наук) становится немислимым в сосуществовании гегелевского *настоящего*, идеологического настоящего, в котором временное присутствие совпадает с присутствием сущности в явлениях. И, как следствие, модель *континуального и гомогенного времени*, которое является местом непосредственного существования этого длящегося присутствия, больше нельзя рассматривать как время истории.

Начнем с последнего пункта, поскольку он позволит нам в полной мере осознать последствия этих принципов. В первом приближении мы можем утверждать исходя из специфической структуры марксистского целого, что больше невозможно помыслить процесс развития разных уровней целого *в одно и то же историческое время*. Эти уровни не обладают одним и тем же типом исторического существования. Напротив, мы должны приписать каждому уровню *особое время*, относительно автономное и, следовательно, относительно независимое – даже в своей зависимости – от времени других уровней. Мы можем и должны сказать: у каждого способа производства особое время и история, специфическим образом акцентируемые развитием производительных сил; производственные отношения предполагают особое время и историю, акцентируемые особым образом; у политической надстройки собственная история; у философии собственные время и история; у эстетических произведений собственное время и история; у научных формаций собственные время и история – и так далее. Каждая из этих конкретных историй характеризуется особыми ритмами и поддается познанию только при условии, что мы определили *понятие* специфики ее исторической темпоральности и ее пунктуаций (непрерывное развитие, революции, разрывы и так далее). Тот факт, что каждое из этих времен и каждая из этих историй *относительно автономны*, не означает, что эти столь многие области *независимы* от целого: специфика каждого из этих времен и каждой из этих историй – другими словами, их относительная автономия и независимость – основана на определенном типе артикуляции внутри целого и, следовательно, на определенном типе *зависимости* от целого. История философии, например, не является независимой по божественному праву: ее право на существование в качестве специфической истории определяется артикулирующими отношениями, то есть отношениями относительной эффективности, существующими внутри целого. Стало быть, специфика этих времен и историй *дифференциальна*, она основана на дифференциальных отношениях между различными уровнями внутри целого: модус и степень *независимости* каждого времени и

истории, следовательно, необходимо детерминированы модулем и степенью *зависимости* каждого уровня во множестве артикуляций целого. Таким образом, концепцию относительной независимости истории и уровня никогда нельзя сводить ни к позитивному утверждению независимости *в пустоте* (*dans le vide*)⁸, ни даже к простому отрицанию зависимости как таковой; в концепции относительной независимости определяется ее относительность, то есть тип *зависимости*, производящий и устанавливающий этот режим относительной независимости в качестве ее необходимого результата; на уровне артикуляции структур, составляющих целое, определяется тот тип зависимости, который создает относительную независимость и эффекты которого можно наблюдать в историях различных уровней.

Вот принцип, на котором основана возможность и необходимость различных *историй*, соответствующих каждому уровню. Этот принцип оправдывает то, что мы говорим об экономической истории, политической истории, истории религий, истории идеологий, истории философии, истории искусства и истории наук, тем самым не обходя – а напротив, обязательно принимая относительную независимость каждой из историй в специфической зависимости, которая сочленяет (*articule*) каждый из различных уровней общественного целого со всеми другими. Вот почему, если у нас есть право конституировать эти разные истории, которые являются лишь дифференциальными историями, мы не можем удовлетвориться, как часто делают лучшие сегодняшние историки, констатацией существования разных времен и ритмов, не связав их с понятием их различия, то есть с типичной зависимостью, которая устанавливает их в артикуляции уровней целого. Поэтому недостаточно ска-

ЛУИ АЛЬТЮССЕР

ОШИБКИ КЛАССИЧЕСКОЙ
ЭКОНОМИИ: НАБРОСОК
ПОНЯТИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО
ВРЕМЕНИ

8 *Le vide* (фр.) – пустота, вакуум. Одно из ключевых понятий в философии Луи Альтюссера, роль и значение которого менялись в разные периоды его мысли. В ряде работ, в частности «Ленин и философия» (1965), пустота выступает как эпистемологическая позиция: во-первых, у философии нет своего объекта, во-вторых, для нового философского предприятия требуется пустое теоретическое пространство. Кроме того, понятие пустоты касается онтологического измерения, выступая в качестве метафоры концепции социальной реальности как комплекса отношений, носителями которых являются индивиды. В «Читать “Капитал”» (1965) с таким пониманием связаны идеи социального целого как лишнего центра, структурной причинности, отсутствующей причины. Более позднее использование понятия связано с периодом алеторного материализма, где пустота существующей политической ситуации представляет собой место потенциальной встречи. В таком значении *le vide* впервые появляется в лекциях о Руссо 1972 года: Альтюссер описывает лес, где обитает человек естественного состояния, одновременно как воспроизводящиеся условия, препятствующие социальности, как условия недостаточной детерминации (*sous-détermination*) и как пустоту. Кроме описания социально-политической ситуации, пустота характеризует теоретическую рефлексию о субъекте – так, в лекциях о Макиавелли 1971–1972 годов Альтюссер говорит о Государе, к которому взывает Макиавелли, как о «пустой форме», наполнение которой является контингентным. Подробнее о понятии пустоты у Альтюссера см.: MATHÉRON F. *La récurrence du vide chez Louis Althusser // Futur Antérieur, Lire Althusser Aujourd'hui*. Paris: L'Harmattan, 1997. P. 23–47; TOSEL A. *Matérialisme de la rencontre et pensée de l'événement-miracle // ИБРАНИМ А. (Ed.). Autour d'Althusser. Penser un matérialisme aléatoire: problèmes et perspectives*. Paris: Le temps de cerises, 2012. P. 19–53; PANAGIOTIS S. *A Philosophy for Communism: Rethinking Althusser*. Leiden; Boston: Brill, 2020. – Примеч. ред.

зять, подобно современным историкам, что *есть* разные периодизации разных времен, что у каждого времени собственные ритмы, некоторые краткие, а другие долгие, – мы также должны помыслить эти различия ритма и пунктуации (*scansion*) в их основе, в том типе артикуляции, смещения и скручивания (*torsion*), который согласовывает эти разные времена друг с другом. Чтобы продвинуться еще дальше, я должен сказать, что, двигаясь в этом направлении, нельзя ограничиваться отражением существования видимых и измеримых времен; мы должны – в силу крайней необходимости – задаться вопросом о способе существования *невидимых* времен, о невидимых ритмах и пунктуациях, скрытых под поверхностью всякого видимого времени. Простое чтение «Капитала» показывает, что Маркс был весьма чувствителен к этому требованию. Оно показывает, например, что время экономического производства есть специфическое время (различающееся в зависимости от способа производства), но так же и то, что это время, будучи специфическим, является сложным и нелинейным – это время времен, сложное время, которое нельзя *прочитать* в континуальности времени жизни или времени на часах, но следует *сконструировать* из особых структур производства. Время капиталистического экономического производства, проанализированного Марксом, следует *сконструировать* концептуально. Понятие этого времени должно быть выстроено из реальности различных ритмов, которые акцентируют различные операции производства, обращения и распределения. Из понятий этих разных операций, например, различия между временем производства и рабочим временем, различия между разными циклами производства (оборот основного капитала, оборотного капитала, переменного капитала, денежный оборот, оборот коммерческого капитала, финансового капитала и так далее). Таким образом, при капиталистическом способе производства время экономического производства не имеет абсолютно ничего общего с очевидностью идеологического времени повседневной практики; конечно, оно укоренено в определенных установленных местах, в биологическом времени (определенные нормы чередования труда и отдыха рабочей силы человека и животных; определенные нормы сельскохозяйственного производства), но по своей сути оно вовсе не тождественно этому биологическому времени, это время ни в коем случае нельзя *непосредственно прочитать* в потоке любого данного процесса. Это невидимое время, сущностно нечитаемое, столь же невидимое и непрозрачное, как сама реальность всего процесса капиталистического производства. Это время – сложное пересечение различных времен, ритмов, оборотов и так далее, которое мы только что обсудили, – доступно лишь в *его по-*

нятии, которое, как и любое понятие, никогда не дано непосредственно, никогда не *читаемо* в видимой реальности: подобно любому понятию, это понятие должно быть *произведено, сконструировано*.

ЛУИ АЛЬТЮССЕР
ОШИБКИ КЛАССИЧЕСКОЙ
ЭКОНОМИИ: НАБРОСОК
ПОНЯТИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО
ВРЕМЕНИ

Время капиталистического экономического производства, проанализированного Марксом, следует *skonструировать* концептуально. Понятие этого времени должно быть выстроено из реальности различных ритмов, которые акцентируют различные операции производства, обращения и распределения.

То же самое можно сказать о политическом времени и идеологическом времени, о времени теоретическом (философском) и научном, не говоря уже о времени искусства. Приведем пример. Время истории философии тоже нельзя прочесть непосредственно: конечно, в исторической хронологии мы *видим*, что философы *следуют друг за другом*, и эту последовательность можно было бы принять за саму историю. Здесь мы также должны отказаться от идеологического предубеждения о видимой преемственности и попытаться *skonструировать концепт времени истории философии*. А чтобы понять этот концепт, крайне важно определить специфическое различие философского как одной из существующих культурных формаций (идеологических и научных формаций); определить философское как принадлежащее к уровню *Теоретического* как такового и установить дифференциальное отношение Теоретического как такового, во-первых, к различным существующим практикам, во-вторых, к идеологии и, наконец, к научному. Определить эти дифференциальные отношения – значит, определить конкретный тип соединения (*articulation*) Теоретического (философского) с другими реальностями и, следовательно, определить конкретную связь (*articulation*) истории философии с историями различных практик, с историей идеологий и историей наук. Но этого недостаточно: для построения концепта истории философии необходимо определить в самой философии конкретную реальность, которая конституирует философские формации как таковые и к которой надо обратиться, чтобы представить себе саму возможность *философских событий*. Вот одна из важнейших задач любой теоретической попытки произвести концепт истории: дать строгое определение *исторического факта* как такового. Не предваряя это исследование, я хотел бы отметить, что в своей общности

исторический факт, в отличие от всех прочих явлений, происходящих в историческом существовании, может быть определен как *факт, который вызывает мутацию в существующих структурных отношениях*. Если мы хотим быть способными обсуждать историю философии как историю, нам также важно признать, что в ней происходят *философские факты, философские события исторического масштаба*, то есть именно *философские факты*, вызывающие реальные мутации в *существующих философских структурных отношениях*, в этом случае в *существующей теоретической проблематике*. Очевидно, что эти факты не всегда *видимы*, они скорее подчас являются объектом реального вытеснения, действительного и более или менее продолжительного исторического отрицания. Например, мутация догматической классической проблематики, вызванная эмпиризмом Локка, есть философское событие исторического масштаба, которое все еще доминирует в сегодняшней идеалистической критической философии точно так же, как оно доминировало на протяжении всего XVIII века, а также у Канта, Фихте и даже Гегеля. Этот исторический факт – и прежде всего его длительное воздействие (в частности, его важность для понимания немецкого идеализма от Канта до Гегеля) – зачастую ставится под сомнение; его реальная глубина редко оценивается по достоинству. Этот факт сыграл в интерпретации марксистской философии абсолютно решающую роль, и мы до сих пор в значительной степени пребываем у него в плену. Другой пример – философия Спинозы, которая произвела беспрецедентную теоретическую революцию в истории философии, возможно, величайшую философскую революцию всех времен, поскольку мы можем рассматривать Спинозу как единственного прямого предка Маркса с философской точки зрения. Однако эта радикальная революция стала объектом невероятного исторического вытеснения, и с философией Спинозы произошло то же самое, что и по сей день происходит с философией Маркса в некоторых странах, – ее обвиняют в атеизме.

В своей общности *исторический факт*, в отличие от всех прочих явлений, происходящих в историческом существовании, может быть определен как *факт, который вызывает мутацию в существующих структурных отношениях*.

Настойчивость, с которой истеблишмент XVII и XVIII веков изгонял память о Спинозе, и дистанция, которую каждый писатель неизбежно должен был занять по отношению к нему, что-

бы получить право высказаться (ср. Монтескьё), говорят как об отталкивании, так и о необычайной привлекательности его мысли. История философски вытесненного Спинозизма, таким образом, разворачивалась как подземная история, действующая в *других местах* (*autres lieux*), в политической и религиозной идеологии (деизм), в науках, но не на освещенной сцене видимой философии. И когда Спиноза снова появился на этой сцене в *Atheismusstreit*⁹ немецкого идеализма, а затем в академических интерпретациях, произошло это под знаком большего или меньшего непонимания. Я думаю, что сказал уже достаточно, чтобы предположить, в каком направлении должно двигаться построение концепта истории в разных областях, и показать, что конструирование этого концепта, бесспорно, создает реальность, которая не имеет ничего общего с видимой последовательностью событий, попавших в хронику.

Благодаря Фрейду нам также известно, что время бессознательного нельзя путать с биографическим временем. Напротив, чтобы получить представление об определенных биографических чертах, *надо сконструировать понятие времени бессознательного*. Точно так же необходимо конструировать понятия различных исторических времен, которые никогда не даны в идеологической очевидности непрерывного времени (которые нужно только соответствующим образом разделить в русле хорошей периодизации, чтобы получить время истории), но должны быть выстроены из дифференциальной природы и дифференциальной артикуляции их объектов в структуре целого. Нужны ли еще примеры, чтобы убедиться в этом? Прочтите замечательные исследования Мишеля Фуко в области «истории безумия» или «рождения клиники», и вы увидите дистанцию, отделяющую элегантно последовательности официальной хроники, в которой дисциплина или общество просто отражают свою чистую совесть, то есть маску нечистой совести, от абсолютно неожиданной темпоральности, которая составляет суть процесса образования и развития этих культурных формаций. В истинной истории нет ничего, что позволяло бы читать ее в идеологическом континууме линейного времени, в котором нужно расставлять акценты и разделения; напротив, в ней есть своя чрезвычайно сложная и своеобразная темпоральность, которая, конечно, совершенно парадоксальна в сравнении с обезоруживающей простотой идеологических предубеждений. Понимание истории культурных формаций – таких, как «безумие», – и истоков «клинического взгляда» (*regard clinique*) в медицине предполагает не огромную работу абстракции, а усилие в абстракции, чтобы сконструировать и

ЛУИ АЛЬТЮССЕР

ОШИБКИ КЛАССИЧЕСКОЙ
ЭКОНОМИИ: НАБРОСОК
ПОНЯТИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО
ВРЕМЕНИ

9 Спор об атеизме (нем.). – Примеч. перев.

идентифицировать сам объект, выстроив таким образом *понятие его истории*. Этот подход противоположен эмпирически видимой истории, где время всех историй является лишь временем континуальности и где содержанием является пустота происходящих в ней событий, которые затем пытаются опередить с помощью процедур разделения, дабы периодизировать эту непрерывность. Вместо категорий непрерывности и прерывности, подытоживающих банальную тайну всей истории, мы имеем дело с бесконечно более сложными категориями, особыми для каждого типа истории, категориями, вводящими в игру новые логики, в которых само собой разумеется, что у гегелевских схем, являющихся лишь сублимацией категорий «логики движения и времени», больше нет иного значения, кроме весьма приблизительного, и то *лишь при условии, что они используются приблизительно (индикативно) в соответствии с их приблизительной природой*, – ведь, если бы мы признали гегелевские категории адекватными, их применение стало бы в теоретическом отношении абсурдным, а в практическом – тщетным или катастрофическим.

Как ни парадоксально, можно экспериментально испытать специфическую реальность сложного исторического времени уровней целого, попытавшись провести сущностный срез сквозь это специфическое и сложное время – решающий эксперимент структуры *современности*. Исторический разрез (*coupe*) такого рода, даже если он применяется к разрыву в периодизации, санкционированной явлениями крупной мутации в экономическом либо в политическом порядке, никогда не создает настоящее со структурой так называемой современности – присутствие, соответствующее экспрессивному или духовному типу единства целого. Сосуществование, наблюдаемое в сущностном срезе, не раскрывает никакой повсеместной сущности, которая также присутствует на каждом из этих уровней. Разрез, «верный» для определенного политического или экономического уровня, разрез, который соответствовал бы, скажем, сущностному срезу в политике, не соответствует ничему подобному на других уровнях – экономическом, идеологическом, эстетическом, философском или научном, – которые существуют в другом времени и характеризуются другими разрезами, другими ритмами и другими пунктуациями. Настоящее одного уровня – это, так сказать, отсутствие другого, и такое сосуществование присутствия и отсутствия есть просто эффект структуры целого в его артикулированной децентричности. То, что, таким образом, понимается как отсутствие в локализованном присутствии, есть не что иное, как нелокализация структуры целого, или, точнее, тип эффективности, характерный для уровней структуры целого (которые сами по себе струк-

турированы) и элементов этих уровней. Невозможность этого сущностного среза раскрывает (даже в отсутствиях, когда он проявляется негативно) форму исторического существования, свойственную общественной формации, возникающей из определенного способа производства, то есть выявляет особый тип того, что Маркс называет процессом развития определенного способа производства. И этот процесс также есть то, что Маркс в ходе обсуждения капиталистического способа производства в «Капитале» называет типом *переплетения разных времен* (и здесь он упоминает лишь экономический уровень), то есть типом смещения (*décalage*) и скручивания различных темпоральностей, производимых разными уровнями структуры, сложная комбинация которых конституирует особое время развития процесса.

ЛУИ АЛЬТЮССЕР

ОШИБКИ КЛАССИЧЕСКОЙ
ЭКОНОМИИ: НАБРОСОК
ПОНЯТИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО
ВРЕМЕНИ

Если бы мы признали гегелевские категории }
адекватными, их применение стало бы в теорети- }
ческом отношении абсурдным, а в практическом – }
тщетным или катастрофическим. }

Дабы избежать какого-либо недопонимания того, что я только что сказал, необходимо, на мой взгляд, добавить следующие комментарии.

Теория исторического времени, которую я только что изложил, позволяет нам установить возможность истории разных уровней, рассматриваемых как относительно автономные. Но из этого нам нельзя делать вывод, что история состоит из соположения разных относительно автономных историй, различных исторических темпоральностей, существующих в одно и то же историческое время – одни в краткосрочном режиме, другие в долгосрочном. Иначе говоря, отбросив идеологическую модель непрерывного времени, подчиненного сущностным срезам настоящего, мы должны избегать замены этой идеи другой, которая, пусть и отличаясь по стилю, на деле тайком восстанавливает ту же идеологию времени. Поэтому не может быть и речи о том, чтобы соотнести многообразие различных темпоральностей с единым идеологическим базовым временем или измерить их *смещение* относительно линии единого континуального эталонного времени, довольствуясь, таким образом, мыслью об этих смещениях как об отставаниях или продвижениях *во времени*, то есть в идеологическом эталонном времени. Если попытаться совершить сущностный срез в нашей новой концепции, то мы обнаружим, что это невозможно. Но из этого не следует, что мы имеем дело с *неровным срезом*,

ступенчатым или многозубчатым срезом, где опережение или отставание одного времени по отношению к другому иллюстрируется в темпоральном пространстве, подобно тому, как опоздание или раннее прибытие поездов иллюстрируется на табло SNCF¹⁰ пространственным опережением или отставанием. Если бы мы приняли это, мы вернулись бы, как обычно делают даже лучшие из наших историков, в ловушку идеологии истории, где продвижение и отставание суть всего лишь варианты исходной континуальности, а не эффекты структуры целого. Мы должны порвать со всеми формами этой идеологии, если хотим верно соотнести феномены, *наблюдаемые* самими историками, с понятиями, с *понятием* истории рассматриваемого способа производства, а не с каким-то гомогенным и континуальным идеологическим временем.

Этот вывод абсолютно важен, если мы хотим установить статус целого ряда понятий, которые играют ведущую стратегическую роль в языке экономической и политической мысли этого столетия: например, *понятий неравномерности развития, пережитков, отставания* (сознания) в самом марксизме или понятия *недоразвитости* в современной экономической и политической практике. Поэтому, когда речь идет об этих понятиях, мы должны быть предельно точны в отношении значения, которое можно придать концепту дифференциальной темпоральности, поскольку они имеют далеко идущие практические последствия.

* * *

Реагируя на этот момент, надо снова очистить свое понятие теории истории, причем очистить радикально, от любого загрязнения очевидностью эмпирической истории – ведь мы знаем, что «эмпирическая история» есть лишь гримаса эмпирической идеологии истории. Этот эмпирицистский соблазн огромен, но обычный человек и даже историк переносят его так же легко, как обитатели этой планеты тяжесть огромного слоя воздуха, который на них давит. Исходя из этого надо ясно и четко видеть и понимать, что *понятие истории* больше не может быть эмпирическим, то есть *историческим* в обычном смысле, – как говорил Спиноза, *понятие «собака» не может лаять*. Мы должны со всей строгостью осознать абсолютную необходимость освобождения теории истории от всякого компромисса с эмпирической темпоральностью, с идеологическим концептом времени, который лежит в ее основе и покрывает ее, или

10 SNCF (Société Nationale des Chemins de fer Français) (фр.) – Национальная компания французских железных дорог. – *Примеч. перев.*

с идеологической идеей о том, что теория истории – *как теория* – может быть подчинена «конкретным» определениям «исторического времени» под предлогом, что это «историческое время» может составлять ее объект.

У нас не должно быть иллюзий относительно невероятной силы этого предрассудка, который все еще господствует над всеми нами, который является основой (*fond*) современного историзма и под влиянием которого мы путаем объект знания с реальным объектом, приписывая первому те же качества, что и у реального объекта, знанием которого он является. Знание истории не более исторично, чем знание о том, что сахар сладок. Но прежде, чем этот простой принцип сможет окончательно утвердиться в нашем сознании, нам, без сомнения, понадобится целая «история». Поэтому на данный момент мы должны довольствоваться тем, что проясним несколько пунктов. Нам действительно следовало бы вернуться к идеологии гомогенно-континуального / современного себе времени, если бы мы связали различные темпоральности, о которых говорилось выше, с этим единичным, идентичным временем как множество разрывов в его непрерывности; эти темпоральности тогда мыслились бы как отставания, продвижения, пережитки или неравномерности развития, которые можно отнести к этому времени. На самом деле, несмотря на любые отрицания, это означало бы установить эталонное время, в континуальности которого нам надо измерять эти неравномерности. Напротив, мы должны рассматривать эти различия в темпоральной структуре как – *и только как* – множество объективных показателей способа артикуляции различных элементов или структур в общей структуре целого. Это равносильно утверждению, что если нельзя сделать сущностный срез в истории, то лишь в специфическом единстве сложной структуры целого можно представить понятие этих так называемых отставаний, продвижений, пережитков и неравномерностей развития, которые сосуществуют в структуре реального исторического настоящего – настоящего *конъюнктуры*. Таким образом, разговор о разных типах историчности не имеет смысла применительно к базовому времени, в котором можно было бы измерить эти отставания и продвижения.

Это равносильно утверждению, что, напротив, конечный смысл метафорического языка отставания, продвижения и так далее следует искать в структуре целого, в месте, характерном для такого-то элемента такого-то структурного уровня в сложности целого. Поэтому говорить о дифференциальной исторической темпоральности – значит, связать себя абсолютным обязательством найти *это место* и осмыслить, в ее особой артикуляции, функцию такого элемента или уровня в текущей

ЛУИ АЛЬТЮССЕР

ОШИБКИ КЛАССИЧЕСКОЙ
ЭКОНОМИИ: НАБРОСОК
ПОНЯТИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО
ВРЕМЕНИ

конфигурации целого; то есть определить отношение артикуляции этого элемента как функции других элементов, этой структуры – как функции других структур. Этот разговор обязывает нас определить то, что называется сверхдетерминацией или недодетерминацией, как функцию структуры детерминации целого; он обязывает нас определить то, что иначе можно назвать *индексом детерминации*, *индексом эффективности*, в данный момент приписываемым рассматриваемому элементу или структуре в общей структуре целого. Под *индексом эффективности* можно понимать характер более или менее доминирующей или подчиненной и, следовательно, более или менее парадоксальной детерминации данного элемента или структуры в актуальном механизме целого. И это не что иное, как теория конъюнктуры, необходимая для теории истории.

Я не хочу углубляться в этот анализ, хотя пока он почти не проработан. Я ограничусь тем, что сделаю из этих принципов два вывода: один касается понятий синхронии и диахронии, а другой – понятия истории.

1) Если сказанное выше имеет какое-то объективное значение, то ясно, что оппозиция синхрония–диахрония свидетельствует о неверном понимании, так как принимать ее за знание означает оставаться в эпистемологическом вакууме (*le vide*), то есть, учитывая нетерпимость идеологии к пустоте, в идеологической полноте, а точнее – в полноте идеологической концепции истории, время которой является непрерывно-гомогенным/современным. Если идеологическая концепция истории рухнет, то вместе с ней рухнет и эта оппозиция. Однако кое-что из этого остается: цель эпистемологической операции, бессознательным отражением которой является эта оппозиция, то есть сама эпистемологическая операция, лишенная своей идеологической привязки. Цель синхронии не имеет ничего общего с *темпоральным* присутствием объекта как *реального объекта*, а напротив, касается другого типа присутствия и присутствия *другого объекта*: не темпорального присутствия конкретного объекта, не исторического времени исторического присутствия исторического объекта, а присутствия (или «времени») *объекта знания самого теоретического анализа*, присутствия *знания*. Таким образом, синхроническое – это не что иное, как *концепция* специфических отношений, существующих между различными элементами и различными структурами структуры целого, это *знание* отношений зависимости и артикуляции, которые делают его органическим целым, системой. *Синхроническое – это вечность в смысле Спинозы*, или адекватное познание сложного объекта посредством адекватного восприятия его сложности. Это как раз то, что Маркс отличает от конкретно-реальной исторической последовательности, когда говорит:

«В самом деле, каким образом простая логическая формула движения, последовательности, времени могла бы служить для объяснения общественного тела, в котором все отношения существуют одновременно и опираются одно на другое?»¹¹

ЛУИ АЛЬТЮССЕР
ОШИБКИ КЛАССИЧЕСКОЙ
ЭКОНОМИИ: НАБРОСОК
ПОНЯТИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО
ВРЕМЕНИ

Если это и есть синхрония, у нее нет ничего общего с простым конкретным темпоральным присутствием, она связана с познанием сложной артикуляции, делающей целое целым. Не конкретное сопричастие, а познание сложности объекта знания дает знание о реальном объекте.

Если это касается синхронии, то аналогичные выводы следует сделать и в отношении диахронии, поскольку именно на идеологической концепции синхронии (современности сущности самой себе) строится идеологическая концепция диахронии. Вряд ли есть необходимость показывать, как диахрония оказывается несостоятельной у тех мыслителей, которые отводят ей роль истории. Диахрония сводится к последовательности событий (*à l'événementiel*) и влиянию этой последовательности на структуру синхронического: историческое, таким образом, становится неожиданным, случайным, фактически уникальным, возникающим или исчезающим в пустом континууме времени по чисто контингентным причинам. Стало быть, в этом контексте проект «структурной истории» порождает серьезные проблемы, что подробно отражено в отрывках, которые посвящает ему Леви-Стросс в «Структурной антропологии». Действительно, каким чудом пустое время и мгновенные события могли бы вызвать де- и реструктуриации синхронического? Как только синхрония верно определена, диахрония теряет свой конкретный смысл, и не остается ничего, кроме как использовать ее эпистемологически, при условии, что она подвергается теоретической конверсии и рассматривается в своем истинном смысле: как категория не конкретного, а знания. Таким образом, диахрония – лишь ложное название *процесса* или того, что Маркс называл *развитием форм*¹². Но и здесь мы находимся *внутри знания*, в процессе познания, а не в развитии реального-конкретного¹³.

11 МАРКС К. *Нищета философии*. С. 94.

12 См.: ALTHUSSER L., BALIBAR É., ESTABLET R., MACHEREY P., RANCIÈRE J. *Op. cit.* Ch. 13.

13 Во избежание недоразумений следует добавить, что критика скрытого эмпиризма, который терзает нынешнее массовое использование незаконнорожденного понятия «диахрония», очевидно, неприменима к *реальности* исторических трансформаций – например, перехода от одного способа производства к другому. Если цель состоит в обозначении этой реальности (факта реальной трансформации структур) как диахронии, это просто равнозначно применению термина к самому историческому (которое никогда не бывает чисто статическим) или (если проводить различие внутри исторического) тому, что *заметно* трансформируется. Но если цель состоит в том, чтобы продумать понятие этих трансформаций, то мы выходим за пределы реального (диахронического) к знанию, где – в той мере, в какой дело касается самого реального диахронического, – вступает в игру только что представленная эпистемологическая диалектика: понятие и «развитие его форм».

2) Теперь я подхожу к понятию исторического времени. Чтобы строго определить его, необходимо принять следующее условие. Поскольку это понятие может базироваться только на сложной и дифференциально артикулированной структуре, доминирующей над социальной тотальностью, которая конституирует социальную формацию, возникающую из определенного способа производства, оно может получить содержание лишь в качестве структурной функции этой тотальности, рассматриваемой либо в целом, либо на разных «уровнях». В частности, наполнить содержанием концепт исторического времени можно, только определив историческое время как особую форму существования рассматриваемой социальной тотальности – существования, в котором различные структурные уровни темпоральности интерферируют в силу особых отношений соответствия, несоответствия, артикуляции, смещения и скручивания, возникающих между различными уровнями целого в соответствии с его общей структурой. Надо сказать, что, подобно тому, как нет производства вообще, нет истории вообще; есть только особые структуры историчности, в конечном счете основанные на специфических структурах разных способов производства; особые структуры историчности, которые, будучи всего лишь существованием определенных социальных формаций (возникающих из особых способов производства), артикулированных как социальные целые, не обладают иным значением, кроме значения функции сущности этих тотальностей, то есть сущности свойственной им сложности.

Это определение исторического времени через его *теоретическое* понятие непосредственно затрагивает историков и их практику, ибо оно должно привлечь их внимание к эмпирицистской идеологии, которая, за некоторыми исключениями, доминирует во всех областях истории (будь то история в широком смысле или специализированная экономическая, социальная или политическая история, история искусства, литературы, философии, наук и так далее). Грубо говоря, история живет в иллюзии, будто она может обойтись без *теории* в сильном смысле, без теории своего объекта и, следовательно, без определения своего теоретического объекта. То, что выступает в качестве ее теории, то, что, по ее мнению, занимает место этой теории, есть ее *методология*, то есть правила, которые регулируют ее действительные практики – практики, сосредоточенные на изучении документов и установлении фактов. В истории место теоретического объекта занимает «конкретный» объект. Таким образом, история принимает свою методологию за теорию, которой ей не хватает, и она принимает «конкретное» конкретное очевидностей идеологического времени за свой теоретический объект. Эта двойная путаница типична

для эмпирицистской идеологии. Чего не хватает истории, так это сознательного и смелого столкновения с одной из важнейших проблем любой науки – проблемой природы и устройства ее *теории*, под которой я подразумеваю теорию внутри самой науки, систему теоретических понятий, на которой основаны каждый метод и каждая практика (даже экспериментальные метод и практика) и которая в то же время определяет теоретический объект этой науки. Но, за редким исключением, историки не ставили жизненно важную и насущную проблему истории – проблему ее *теории*. И, как то неизбежно случается, место, которое оставила пустым научная теория, заняла теория идеологическая, чье вредное влияние можно подробно проследить как раз на уровне методологии историка.

ЛУИ АЛЬТЮССЕР

ОШИБКИ КЛАССИЧЕСКОЙ
ЭКОНОМИИ: НАБРОСОК
ПОНЯТИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО
ВРЕМЕНИ

Подобно тому, как нет производства вообще, нет истории вообще; есть только особые структуры историчности, в конечном счете основанные на специфических структурах разных способов производства.

Таким образом, объект истории как науки обладает тем же видом теоретического существования и занимает тот же теоретический уровень, что и объект политической экономии Маркса. Единственное различие, которое можно установить между теорией политической экономии, примером которой является «Капитал», и теорией истории как науки, заключается в том факте, что теория политической экономии рассматривает только один относительно автономный компонент социальной тотальности, тогда как теория истории в принципе принимает сложную тотальность как таковую за свой объект. С этой точки зрения, никаких других различий между наукой политической экономии и наукой истории нет.

Распространенное противопоставление между «абстрактным» характером «Капитала» и якобы «конкретным» характером истории как науки есть чистое и простое недоразумение, но его стоит обсудить, поскольку оно занимает особое место в царстве предрассудков, которые управляют нами. Верно, что теория политической экономии разработана и развита путем исследования исходного материала, в конечном счете предоставленного практиками реальной конкретной истории. Верно, что она может и должна быть реализована в так называемых конкретных экономических исследованиях, которые относятся к некоторой данной конъюнктуре или данному периоду данной общественной формации. Эти истины в точнос-

ти отражены в том факте, что теория истории также разрабатывается и развивается путем изучения исходного материала, предоставленного реальной конкретной историей, и что она тоже реализуется в «конкретном анализе» «конкретных ситуаций». Недоразумение целиком заключается в том факте, что история едва ли существует иначе, чем в этой второй форме, – как «применение» теории, которая не существует ни в каком реальном смысле, и поэтому «применения» теории истории как-то происходят за спиной этой отсутствующей теории и, естественно, ошибочно принимаются за нее, если они не зависят (ведь для существования им нужен минимум теории) от более или менее идеологических очертаний теорий. Мы должны принять всерьез тот факт, что теории истории (в сильном смысле) не существует или почти не существует в той мере, в какой это касается историков; что понятия существующей истории, стало быть, почти всегда являются эмпирическими понятиями, более или менее находящимися в поиске своей теоретической основы, – эмпирическими, то есть смешанными с мощным штаммом идеологии, скрытой за очевидностью. Так обстоит дело с лучшими историками, которых можно отличить от остальных именно благодаря их заботе о теории, но они ищут эту теорию на том уровне, где ее невозможно найти, на уровне исторической методологии, которая не может быть определена без теории, на которой она основана.

Когда история также будет существовать как теория в определенном выше смысле, ее двойное существование как теоретической и эмпирической науки создаст не больше проблем, чем двойное существование марксистской теории политической экономики как теоретической и эмпирической науки. Тогда теоретический дисбаланс между банальной оппозицией абстрактной науки политической экономики и якобы «конкретной» науки истории исчезнет, а вместе с ним исчезнут все религиозные мечты и ритуалы воскрешения мертвых и причастия святых, те, что спустя сто лет после Мишле продолжают проводить некоторые историки, но не в катакомбах, а в сегодняшних общественных местах.

Я должен сказать еще одно слово по этому вопросу. Нынешняя путаница между историей как теорией истории и историей как предполагаемой «наукой конкретного» – историей, пойманной в ловушку эмпиризма своего объекта, – и конфронтация этой «конкретной» эмпирической истории с «абстрактной» теорией политической экономики порождают понятийный беспорядок и массу ложных проблем. Можно даже сказать, что это недоразумение само по себе производит идеологические понятия, функция которых состоит в том, чтобы заполнить пробел (*comblent la distance*), то есть вакуум между теоре-

тической частью существующей истории, с одной стороны, и эмпирической историей, – с другой (которая, правда, слишком часто является существующей историей). Я не хочу обсуждать каждое из этих понятий по порядку, для этого потребуется отдельная книга. Я выделю из них три примера: классические оппозиции сущность–явление, необходимость–случайность и «проблему» действия индивида в истории.

По экономистской или механистической гипотезе, роль оппозиции сущность–явление состоит в том, чтобы объяснить неэкономическое как явление экономической сущности. В этой операции теоретическое (и абстрактное) незаметно заменяется экономикой (поскольку в «Капитале» есть ее теория), а эмпирическое или конкретное – неэкономическим, то есть политикой, идеологией и так далее. Оппозиция сущность–явление играет эту роль достаточно хорошо до тех пор, пока мы рассматриваем явление как эмпирическое и конкретное, а сущность как неэмпирическое, абстрактное, то есть как истину явления. В результате устанавливается абсурдное отношение между теоретическим (экономическим) и эмпирическим (неэкономическим), и эта терминологическая путаница приводит к тому, что знание одного объекта сравнивается с существованием другого, что вводит нас в заблуждение.

Необходимость–контингентность или необходимость–случайность суть оппозиции того же рода, они выполняют ту же функцию: заполнить пробел между теоретической частью одного объекта (например экономики) и нетеоретической, эмпирической частью другого (неэкономического, в котором заявляет о себе экономика: «обстоятельства», «индивидуальность» и так далее). Сказать, например, что необходимость «заявляет о себе среди случайных данных и разнообразных обстоятельств и так далее», означает создать удивительный механизм, в котором сравниваются две реальности, не связанные напрямую. «Необходимость» в данном случае обозначает *знание* (например закон детерминации в последней инстанции экономикой), а «обстоятельства» – то, что не известно. Но, вместо сравнения знания с незнанием, последнее убирается в скобки и заменяется *эмпирическим существованием* неизвестного объекта (именуемого «обстоятельствами» или случайными данными и так далее), что позволяет *скрещивать термины*, создавая ошибочное короткое замыкание, в котором *знание* определенного объекта (экономическая необходимость) сравнивается с эмпирическим существованием другого («обстоятельства», политические или иные, среди которых эта «необходимость», как говорится, заявляет о себе).

Самая известная форма этого заблуждения предстает в «проблеме» «роли индивида в истории»: в этой трагической дискус-

ЛУИ АЛЬТЮССЕР

ОШИБКИ КЛАССИЧЕСКОЙ
ЭКОНОМИИ: НАБРОСОК
ПОНЯТИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО
ВРЕМЕНИ

сии друг другу противостоят теория или знание определенного объекта (например экономики), представляющего сущность, в качестве явлений которой рассматриваются другие объекты (политические, идеологические и так далее), и (с политической точки зрения!) эмпирическая реальность, индивидуальное действие. Здесь мы опять имеем дело с коротким замыканием между скрещивающимися терминами, сравнивать которые незаконно, ибо это сравнение знания одного определенного объекта с эмпирическим существованием другого! Я не хочу утверждать о трудностях, которые эти концепты ставят на пути у тех, кто их использует; последние могут избежать этих трудностей на практике, лишь подвергая критическому сомнению гегелевские (и, в более общем плане, классические) философские понятия, которые чувствуют себя в этом заблуждении как рыба в воде. Но я хотел бы сказать, что ложная проблема «роли личности в истории» тем не менее указывает на истинную проблему, по праву возникающую в теории истории: проблему понятия *исторических форм существования индивидуальности*. «Капитал» дает нам принципы, необходимые для постановки этой проблемы. Он определяет для капиталистического способа производства различные формы индивидуальности, требуемые и производимые этим способом в соответствии с функциями, «носителями» (*Träger*) которых являются индивиды, в разделении труда, на разных уровнях структуры. Конечно, то, как индивидуальность существует в данном способе производства, нельзя увидеть невооруженным глазом в истории; поэтому понятие способа существования индивидуальности тоже должно быть *сконструировано*, и, как и всякое понятие, оно содержит ряд сюрпризов, наиболее поразительным из которых является тот факт, что оно не имеет ничего общего с ложной очевидностью данного, которая является всего лишь маской нынешней идеологии. Понятие вариаций способа исторического существования индивидуальности открывает путь к тому, что действительно осталось от «проблемы» «роли индивида в истории», которая, если поставить ее в привычной форме, является ложной проблемой – ложной постольку, поскольку она не сбалансирована, теоретически гибридна, так как сравнивает теорию одного объекта с эмпирическим существованием другого. До тех пор, пока не будет поставлена реальная теоретическая проблема (проблема форм исторического существования индивидуальности), мы будем блуждать в потемках – подобно Плеханову, который рылся в постели Людовика XV, чтобы убедиться в том, что тайны падения *Ancien Régime* кроются не там.

*Перевод с французского Дениса Шалагинова
под редакцией Анны Егоровой*